

Ночь была тихой, без ветра и луны, только звёзды усеяли небо. Внутри и снаружи дворца царила полная тишина. Ли Хань стоял у входа, устремив взгляд в темноту, тело его было напряжено, словно статуя. Прошло много времени... много времени, пока из зала не донёсся слабый звук.

Серебряная игла покинула тело, и привычный холод окутал Цинь Юя. Он лежал, чувствуя, как его сознание утягивает в тёмную и холодную бездну.

— Цинь Юй! — внезапно воскликнул Бай Юньфэй, сжимая его руку, боясь, что он потеряет сознание.

Цинь Юй приоткрыл глаза, бормоча:

— Так холодно...

Его тело приподняли, Бай Юньфэй крепко обнял его, укутав в одеяло.

— Держись, Цинь Юй, не засыпай.

— Юньфэй... — губы Цинь Юя дрожали, он сжал его руку, с трудом произнося:

— Поговори... поговори со мной. — Чтобы сосредоточиться, не дать холоду поглотить его.

— Хорошо, — Бай Юньфэй крепче обнял его дрожащее тело, но... — О чём говорить? — с лёгкой виной спросил он.

Цинь Юй, напротив, усмехнулся, слегка повернувшись к нему.

— Ли Хань сказал, что молодой господин Цюй взял Сяо Фэна на гору Тяньлун.

— Зачем? — Бай Юньфэй прижал ладонь к его холодной спине.

— Говорят, там... целая гора клёнов, — Цинь Юй замолчал, словно размышляя, и через мгновение добавил:

— В это время года они красные, как огонь.

— Когда ты поправишься, отведи и меня туда, — улыбнулся Бай Юньфэй.

— Хорошо, — кивнул Цинь Юй.

Холод стал ещё сильнее, Цинь Юй весь дрогнул. Бай Юньфэй задрожал, глаза его покраснели, и в сердце вдруг поселился страх.

— Юньфэй, это не твоя вина, не... не бойся.

— Цинь Юй, ты не понимаешь... ты...

— Я понимаю, — Цинь Юй с усилием поднял голову, глядя на него. — Ты намного сильнее, чем этот старик Чжун Син. Кроме шахмат и живописи, что ты не можешь?

Бай Юньфэй усмехнулся, но в сердце его оставалась грусть.

— Ты ненавидишь Чжун Сина.

— Да, — улыбнулся Цинь Юй. — Много раз я хотел его убить, но... щадил.

— Почему?

— Потому что... — взгляд Цинь Юя на мгновение рассеялся, затем снова вернулся к его лицу. Он покачал головой. — Ничего, просто ненавижу.

— Цинь Юй, ты не безрассудный человек, — Бай Юньфэй посмотрел на него, кончики пальцев слегка дрожали. — Я знаю, он из клана Чжун, старший брат Чжун Цзинчэна, поэтому ты его пощадил.

Цинь Юй напряжённо улыбнулся, отводя взгляд. Бай Юньфэй обнял его холодное тело, слегка наклонившись.

— Ты можешь мне рассказать, не нужно... скрывать.

— Я просто... — Цинь Юй смотрел вдаль. — Не хочу, чтобы ты презирал меня.

Бай Юньфэй с недоумением посмотрел на него. Цинь Юй прижался к нему, губы его были белыми, как бумага, и цвет лица постепенно исчезал, словно он медленно уходил.

— Да, я пощадил его, потому что он из клана Чжун, но... — свет перед глазами померк, Цинь Юй больше не видел ничего впереди, прижимаясь к нему. — На самом деле, я сделал это не для... Я просто хотел почувствовать себя лучше. — Поэтому это ещё более низко.

Его взгляд рассеялся, веки медленно сомкнулись.

— Цинь Юй.

— Юньфэй, — Цинь Юй внезапно открыл глаза, сжимая его руку, холодную, как лёд. — Прости, я убил Чжо Цинфэна. Если бы всё повторилось, я бы снова убил его. Он не достоин тебя. Я не позволю безумцу оставаться рядом с тобой, никогда... никогда!

Бесконечный холод всё же поглотил его. Цинь Юй почувствовал, как падает, всё глубже и глубже. Холод окутал его, проникая в кости. Это был первый раз, когда Цинь Юй понял, что смерть так болезненна.

— Ущелье такое холодное, — прошептал он, погружаясь в темноту.

Цинь Юй, ту правду, которую ты не хотел мне рассказывать, ты боялся, что мне будет больно, или что я, узнав, всё равно возненавижу тебя до того, что выну меч?

Бай Юньфэй крепче обнял его, но никак не мог согреть хоть немного человека в своих объятиях.

Да, ущелье, должно быть, слишком холодное, оно поглотило нас обоих. С того дня я больше не мог найти человека, которого так глубоко любил. Он больше не рассказывал мне о своей печали, и я больше не видел в его глазах чистую радость.

— Проснись, пожалуйста, Цинь Юй, проснись, — Бай Юньфэй крепче обнял его, дрожащие губы коснулись его губ.

Цинь Юй, я боюсь. Я только сейчас понял, как сильно боюсь жить в мире без тебя.

Гостиница

— Этот Бай!

Линь Ваньфэн внезапно вскочил с кровати. За окном уже светлело, казалось, день будет прекрасным, но он, глядя в окно, покрылся холодным потом.

Накинув верхнюю одежду, он выбежал во двор. Западное небо ещё было тёмным. Он смотрел туда, сердце его бешено колотилось.

— Господин? — Сяо Фу-цзы, услышав шум, вышел. — Что вы тут делаете?

— Сяо Фу-цзы, может, с этим Баем что-то случилось, поэтому он не вернулся? — Линь Ваньфэн смотрел на горизонт.

Сяо Фу-цзы слегка побледнел, стоя за ним.

— Господин, вы слишком много думаете. Его Величество слишком мудр, да и генерал Ли Хань рядом. Ничего не случится.

— Но мне приснилось, что он прощается со мной, — Линь Ваньфэн сжал руки.

— Господин, вы слишком скучаете по Его Величеству. Не волнуйтесь, с Его Величеством... — Сяо Фу-цзы сглотнул, сжав кулаки. — Всё в порядке.

Хорошо! Этот Бай, возвращайся скорее. Я скучаю по тебе. Я хочу, чтобы ты обнял меня. Не оставляй меня одного здесь. Никогда больше не оставляй меня одного.

Дворец в горах Наньшань

Колени Ли Ханя слегка ныли, но он стоял неподвижно. Он не смел двигаться и не смел войти в зал. Он боялся, что, открыв дверь, принесёт новость, которая потрясёт всю империю, а возможно, даже разрушит её.

В зале время словно застыло. Бай Юньфэй сидел у кровати, ладонь на щеке Цинь Юя. Температура под его рукой успокаивала его.

— Ты проспал всю ночь, пора просыпаться, — голос Бай Юньфэя дрожал. — Ты сказал, что у тебя девяносто процентов уверенности. Ты не будешь тем единственным неудачником.

Вокруг царила тишина. Цинь Юй дышал едва слышно, сохраняя слабую температуру, словно в любой момент мог остыть и исчезнуть. Бай Юньфэй смотрел на него, лицо его было бесстрастным, как у статуи на колонне.

Солнце медленно поднималось, затем так же медленно садилось. Когда свет исчез, те, кто ждал, поняли, что прошли уже сутки. Ночь была ещё более мучительной. Тихий дворец растягивал время, изматывая нервы.

Бай Юньфэй сидел в одиночестве, вокруг не было ни единого источника света. Он не зажёл лампу, только белая одежда очерчивала его опущенные плечи.

Во сне Цинь Юй наконец увидел всё ясно. Он был старым, с длинной бородой, но те, кто стоял перед ним, оставались такими же, как в день их первой встречи: одни — учтивые и мягкие, другие — мужественные и сильные. Во всём они превосходили его, седовласого старика.

Это был прекрасный сон. Цинь Юй ясно понимал, что это иллюзия, потому что она была слишком прекрасной. Почти всё, о чём он мечтал, сбылось. Даже самые эгоистичные и невозможные мечты стали реальностью.

Сон был настолько реальным, что тепло, исходившее от кончиков пальцев, и улыбки на лицах заставляли его забыть. Цинь Юй улыбался, но в сердце его царил страх. Возможно, он понимал, что всё это было ложью, поэтому эти улыбки, это тепло были лишь проявлением его собственного эгоизма. Он боялся, что кто-то увидит его лицемерие и притворство.

Страх становился всё сильнее. Всё вокруг словно слегка дрожало. Цинь Юй хотел поднять руку, чтобы что-то схватить, но он был слишком стар и не мог двигаться. Он мог только смотреть, как иллюзия рушится, и один за другим силуэты исчезают.

— Нет.

У кровати Бай Юньфэй вздрогнул, крепко сжав его руку.

— Цинь Юй, — он осторожно позвал.

— Юньфэй, — Цинь Юй медленно открыл глаза. В слабом свете белая одежда была особенно яркой. Он никогда не ошибётся. — Я проснулся.

— Ха-ха... да, ты проснулся, — Бай Юньфэй сжал его руку ещё сильнее.

Скрип... дверь зала открылась. Цинь Юй, опираясь на руку Бай Юньфэя, стоял у входа, подняв голову к звёздам. Через мгновение он тихо усмехнулся.

— Ваше Величество, — Ли Хань опустился на колени.

— Ли Хань, — Цинь Юй посмотрел на него. — Ты такой глупый.

Ха-ха... Ли Хань, стоя на коленях, рассмеялся. Цинь Юй повернулся к Бай Юньфэю и тоже улыбнулся.

У дворцовых ворот Юэ Хун, немного подумав, всё же вошёл. Наньгун Юйлян сидел в беседке, лицом к высокой стене, в руках у него был свиток.

— Вдовствующая императрица, генерал Юэ пришёл, — Цзи Ань напомнил.

Наньгун Юйлян отложил свиток, повернулся и кивнул.

— Генерал Юэ.

— Ваш подчинённый приветствует вдовствующую императрицу.